

Власть и личностное одиночество в политической борьбе

© А.В. Миронов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, 299053, Россия

Рассмотрена проблема формирования чувства личностного одиночества политической элиты в контексте морального выбора между индивидуальными предпочтениями и властными обязательствами. Проанализированы причины, инициирующие отчуждение лидера от той среды, частью которой он является. Отмечены трансформация нравственных посылок при удержании власти, а также обусловленность данного феномена требованиями политической конъюнктуры. Историко-сравнительный метод, используемый в статье, позволяет выделить тенденции самоизоляции в процессе установления социальной коммуникации в зависимости от форм правления. Подчеркнуты ключевые факторы в процессе противостояния прагматических решений и личностного мировоззрения. Представлена взаимосвязь кризисных вызовов истории и понимания лидером своих обязанностей перед обществом.

Ключевые слова: личностное одиночество, политическая борьба, моральный конфликт, самоизоляция, политическая конъюнктура, лидерство, недоверие

Политическая борьба на современном этапе, стимулируемая интересами отдельных личностей, групп, этносов, государств, предполагает жесткое противостояние, которое в общественном сознании персонифицируется и выступает как конфликт конкретных государственных деятелей. Феномен политического лидерства — неотъемлемая часть мировой истории, рассматриваемая с различных позиций: вклад в процветание и благополучие народа, достижение военных побед, изменивших вектор развития цивилизации, новаторские предложения в понимании задач и целей государственной политики, преодоление кризисных явлений. Исследователи выделяют в данном контексте также специфику личностного развития, нравственные составляющие, тенденции самореализации, делая акцент на совпадении индивидуального мировоззрения с вызовами времени, подчеркивая способности вносить решения, соответствующие исторической ситуации. Деятельность в сфере политики предполагает социальную поддержку, широкое представительство в гражданских институтах, создание организаций, адекватных поставленным целям. Личность, оказавшаяся во главе общественного движения, выдвинутая своими сторонниками, принимает на себя ответственность за результаты социальных реформ, внешней политики, благополучие населения. Власть выступает как инструмент выполнения заявленных лозунгов, способ осуществления ожидаемого большинством.

Проблема морали в политическом процессе может интерпретироваться шире линейной схемы цель — средство. Лидерство заключает в себе совокупность вопросов личностного порядка. Чувство одиночества — логическое следствие постоянной публичной жизни, внешнего позиционирования, максимальной социализации. Его определяют социальные факторы, и оно оказывает косвенное влияние на политическую деятельность. Человеческая сущность остается константой, независимой от исторических изменений, и в силу этого мотивы поступков, чувства, эмоции остаются постоянными величинами, что дает возможность анализировать их с поправкой на узнаваемость, пользуясь методом исторических аналогий. Данное исследование проводится со следующими целями:

выделить особенности и формы самоизоляции в политическом пространстве;

определить обусловленность данного феномена историческими реалиями;

представить ракурсы и трансформации личностного одиночества в политическом участии;

выявить основы нравственного конфликта лидера между обязанностями и частными убеждениями.

Политическое лидерство (под этим понятием в статье подразумевается место во властной структуре, позволяющее управлять другими, распределять материальные блага, определять истинное и ложное, способствовать карьере подчиненных) сопряжено с желанием первенствовать, превосходить и не только побеждать противников, но и выделяться исключительными качествами на фоне собственного окружения. Соперничество, зависть, столкновение амбиций, коварство, лицемерие, измена выступают средствами достижения успеха, становясь латентными правилами политической игры. Обыденность их употребления превращается в допустимые способы самоутверждения, вытесняя моральную оценку подобных действий. В такой ситуации дружба, партнерство, товарищество становятся условными понятиями, зависимыми от расклада сил, меняющихся обстоятельств, новых союзников. «... Твоими врагами становятся те, кого ты обидел при овладении княжеством, но ты не можешь сохранить дружбу тех, кто тебя призвал, потому что удовлетворить меру их ожиданий нельзя...» [1, с. 42]. Искренняя привязанность, преданность, верность не являются условием победы в жестком противостоянии сторон, так как лишают свободы маневра в политическом процессе. Моральные чувства приносятся в жертву прагматическим целям, при этом данный поступок, действие могут противоречить ощущениям долга, благодарности, признательности перед соратниками за былые заслуги. Только сложившееся настоящее определяет линию поведения лидера,

в противном случае он рискует потерять достигнутое. В зависимости от принимаемых решений прежние сподвижники могут оказаться враждебной стороной, а вчерашние недоброжелатели переходят в лагерь единомышленников. Политическая тактика требует от лидера отказа от личных привязанностей, но следствием ее должна быть готовность к одиночеству.

Н. Макиавелли связывал способность правителя к удержанию власти с совокупностью личных качеств, обеспечивающих преференции в политическом противостоянии. Жестокость, доблесть, щедрость, право на злодеяние должны внушить страх подданным. Моральная рефлексия в такой ситуации недопустима. Любые уступки, прощения, потакания будут восприняты как слабость и использованы противниками в качестве инструмента давления. Человеческие переживания неприемлемы для того, кто обладает властью. Мотивацией в борьбе за первенство служит желание доминировать над другими, тем самым утверждая собственную неповторимость. Сознание выбирает между привычным существованием и грандиозными замыслами, относя к первому обычные человеческие эмоции, а ко второму — исключительные модусы поведения. «Дело в том, что дружба, приобретаемая деньгами, а не величием и благородством души, хоть и покупается, но в действительности ее нет, и когда настанет время, на нее невозможно рассчитывать, при этом люди меньше боятся обидеть человека, который внушал любовь, чем того, кто действовал страхом» [1, с. 82]. Ближайшее окружение существует по тем же правилам, что и лидер: каждый из них желает быть ближе, нужнее, значимее других, таким образом, увеличивая масштабы влияния на того, кто является источником благополучия и дальнейшей карьеры. Предел мечтаний — замещение лидера самим собой уже апробированными методами, которые позволили занять соответствующее место в структуре политической элиты. В рамках логики Н. Макиавелли правитель не может позволить себе никаких действий, которые противоречат сущности борьбы за власть, выступающую единственной ценностью, отвечая требованиям самодостаточности и оправданности.

Настороженность, недоверие, подозрительность, объединенные с жестокостью, агрессивностью, наступательностью, представляют эффективное средство в удержании властных полномочий. Лидер рассматривает поступки своего окружения через выгоду, которую стараются получить соратники, добиваясь его расположения, демонстрируя симпатию, привязанность, дружелюбие. Накопленный опыт не позволяет допускать иные стимулы эмоциональных проявлений. Прагматический характер отношений возводится в универсальный статус. Следствием коммуникативного отчуждения, возникающего из столкновения двух поведенческих моделей (общепринятой в обще-

стве и отвечающей требованиям политической группы), становится замкнутость — сознательная эмоциональная самоизоляция. Формальные барьеры в общении должны ограничивать контакты, выходящие за пределы профессиональной деятельности. «...Держась в стороне от других, командир лишает себя радостей, которые дают непринужденность, раскованность, привязанность. Он обрекает себя на чувство одиночества..., которое является несчастьем высших людей» [2, с. 112, 113]. Привычка полагаться на себя уменьшает риски измен и предательства, тогда как притеснения и неосуществленные амбиции инициируют чувство мести среди соратников. Страх за свое положение не позволяет лидеру вести открытый образ жизни, демонстрировать подлинные личные качества и создает необходимость пользоваться созданным образом «грозного правителя». Ощущение враждебности со стороны соратников не оставляет его на протяжении всего срока правления, происходит экстраполяция собственных представлений на окружающих. Явные и надуманные измены становятся причиной утраты веры в человека, его бескорыстность и искренность.

Для лидера сподвижники — временный компонент деятельности, обусловленный степенью их полезности на данном этапе. Победы или поражения отражаются на тех благах, которые ассоциируются с правителем. Таким образом, материальное благополучие, тщеславие, честолюбивые планы обуславливают верность и преданность. Негативные перемены в статусе благодетеля освобождают окружение от изъявления верноподданнических чувств. В такой ситуации лидер предоставлен самому себе, оставаясь наедине с личными проблемами, утрачивая привычный круг общения и атмосферу внимания к своей персоне. Социальная востребованность сводится к формальным проявлениям. На этом фоне возникает обостренное чувство ненужности и внутренней пустоты, которая могла бы заполниться дружескими контактами, но в силу политического прошлого лидера для большинства они уже не представляют интереса или служат источником опасности для продолжения карьеры. Лидер, обладая накопленным опытом, способен прогнозировать подобную ситуацию, но реальность столкновения с ожидаемыми событиями очень болезненна. В частных разговорах правителей о будущем эта тема нередко присутствует: «...меня быстро забудут и покинут. Может кто-нибудь из бывших соратников и посетит меня как-нибудь, но я на это не рассчитываю... Я буду одинок. Никто не захочет по доброй воле скрасить мое одиночество, все бросятся за моим преемником» [3, с. 135]. Из всех накопленных благ самым значимым оказывается внутренний мир, а степень его наполненности позволяет пережить драму одиночества.

Стойческая философия в эпоху развивающегося кризиса Римской империи обращается к вопросу противостояния социального и естественного в окружающем миропорядке. Данная проблематика обусловлена напряженной политической борьбой между элитами, связанной со столкновением прежних республиканских ценностей и новых нравственных реалий, порожденной властью цезарей. Стремление к роскоши, всеобщий гедонизм, непомерное тщеславие формируют ценностную установку, в которой власть или приближение к возможностям, даруемым властью, становится целью извлечения индивидуальной выгоды и наслаждений. Эмансипация личности от интересов социальной общности трансформирует акценты морального выбора, интерпретируя их исключительно в рамках собственных интересов. Конфликты, возникающие между отдельными лицами, группами, сложившимися партиями в Сенате перерастали в подготовку восстаний, мятежей, заговоров, целями которых были императорский престол и право влиять на того, кто его занимал. Вовлечение в процесс политических междоусобиц диктовало в качестве первоочередной посылки участнику борьбы за власть нивелирование моральных принципов в угоду достижению успеха, что служило основанием для зарождения внутренних противоречий. Предоставленность самому себе независимо от социального статуса (следствие вакуума общезначимых ценностей) оформило потребность в автономном существовании, что стало основной тематикой «Нравственных писем к Люцилию» Л.А. Сенеки. Важной особенностью произведения является то, что автор был сам причастен к власти (воспитатель будущего императора Нерона), а его состояние считалось одним из самых крупных в пределах Рима. Публичные почести, исходящие из знатности, богатства, суждений толпы, противопоставляются добродетелям, сопричастным с природой и предлагающим умиротворение и покой. «Назови им, что природа создала необходимым, что излишним, какие легкие она предписала законы... и как трудно и горько тем, кто верит людскому мнению больше, чем себе» [4, с. 95]. Автономность лица, обладающего властью, не исключает служение государственным интересам, но вносит коррективы в восприятие человеческих поступков. Внутренняя свобода обусловлена способностью к одиночеству, это потребность в отрешении от пустого, мелочного, бессмысленных предписаний. Пребывая в нем, правитель стремится достичь гармонии с собой и тем самым преодолеть искушения социального мира.

Книга римского императора Марка Аврелия «Наедине с собой. Размышления» создавалась в период кризисных вызовов, испытываемых государством. Вторжения парфян, германцев, маркоманов, эпидемия чумы, социальные конфликты в городах требовали адекватных решений от полновластного правителя, чтобы сохранить ве-

личие империи. Автор в своих записках обращается к теме уединения, личностному пространству, обладание которым стимулирует поиск истины, влияющий на понимание сущности человека и его возможностей, о должном, об истинной коммуникации. Линии социального и индивидуального бытия представлены в параллельном измерении. Пласт личностного существования вытесняет государственную актуальность в силу несоизмеримости задач. Император, владеющий территорией в размерах континента, мечтающий о покое, гармонии, безмятежности, отказывается социальному началу в формировании добродетельной жизни. Он не видит противоречия в выполнении общественных обязанностей и стремлении к истине, первое выступает как данность, уступка обстоятельствам, второе — подлинная потребность человека, осознавшего суету земной жизни. Освобождение от влияния общественных факторов аргументируется бессмысленностью ожидания посмертной славы. Власть утомляет того, кто приобщился к мудрости и тем самым осознал иные ценности существования. Одиночество выступает условием благой жизни, позволяющим обратиться к себе настоящему, понять реальность, отбросить лишнее и пустое. «Почаще разрешай себе уединение и черпай в нем силы» [5, с. 287]. В этом контексте индивидуальная рефлексия — барьер лжи, лицемерию, лести, составляющих модели властного образа жизни. Уравнивание в смерти дает повод для иронии над теми потенциалами, которые ассоциируются с могуществом и всесилием императора. Страх одиночества, известный большинству, для императора, окруженного сотнями почитателей, трансформируется в радость. Учитывая атмосферу постоянных заговоров при императорском дворе, автономность существования становится средством защиты от интриг, коварства, зависти и делает менее уязвимым в социальном окружении, приучая к бесстрастию и мудрому восприятию человеческих пороков. Пессимизм относительно человеческой природы теряет в его рассуждениях черты ригоризма. Через отдаление от социальной действительности в полной мере проступают людские слабости, несовершенства, страсти, диктуемые укоренившимися установками во властной вертикали. Природное начало противопоставляется безнравственности, ориентированной на ложные желания.

Триада «великое — трагическое — одиночество» в античной литературе трактуется как естественная закономерность, концентрирующая прецеденты человеческого бытия, выходящие за пределы обыденности. Великое отождествлялось с трагическим, так как народные бедствия, войны, общественные катастрофы сопоставимы с вечностью, властью, гениальностью. Они предполагают качественно иной подход к их оценке и иные атрибуты характера за участие в мировой истории. Право управлять другими оборачивается отстраненностью

от общего хода жизни. Сакральное во власти, по мнению греческих авторов, обособляет личность, допущенную к божественным функциям. Мир правителей, призванных решать глобальные проблемы, пребывает в исключительном статусе. Окружающие не способны разделить их замыслы. Изгнанный скиталец, одинокий путник, отверженный гражданами царь расценивают случившееся с ними как наказание за собственное возвышение (Софокл «Царь Эдип», Корнелий «Сид»). Лидер может оказаться пророком, даже ближний круг не понимает его поступков и решений. Открытие новых векторов истории, смена привычных акцентов в понимании сущности власти, конфликт между новаторством и архаикой обостряют отношения с окружающими и, как следствие, обособляют в результате непонимания. Груз ответственности перед многими и необходимость личностного выбора определяют одиночество закономерным итогом деятельности (А.С. Пушкин «Борис Годунов»). Т. Карлейль писал о Наполеоне: «Он шел своим путем, а природа своим. Отказавшись раз от действительности, он очутился в безнадежной пустоте. Для него не было возврата. Ему оставалось уныло и печально погрузиться в эту пустую пучину, с чем редко примиряется человек — разбить свое великое сердце и умереть...» [6, с. 197].

Вера в собственную одаренность возвышает правителя, его поступки становятся более бескомпромиссными, а мнения необсуждаемыми. Акцентация на собственное «Я» в противопоставление большинству служит единственной опорой в выполнении лидером выбранной миссии, в дальнейшем данная тенденция усиливается и перерастает в устойчивую модель восприятия реальности. Чем значимее проблемы, возникающие в обществе, тем сильнее массовое сознание жаждет обрести лидера, способного предложить пути выхода из кризиса. Но восхищение им угасает по мере укрепления стабильности и благополучия. Если успех распространяется на все его окружение, то неудачи персонифицируются и приписываются конкретной личности. Развенчание особенно тяжело принимается руководителем после череды успехов и трактуется как несправедливость и неблагодарность подданных и приближенных. Переживания по этому поводу можно разделить только с самим собой, так как неудачи лишают его социальной привлекательности в глазах вчерашних соратников.

Политическая борьба предполагает скрытность, недоверие, личностную закрытость, так как любая ценная информация становится предметом взаимовыгодного обмена между различными группами, участвующими в борьбе за власть. Индивидуальные впечатления, взгляды, оценки, знания удерживаются на личностном уровне и являются потенциальным инструментом защиты и нападения. Такая позиция формирует постоянный контроль над собой, способность к

эмоциональной нейтральности как самой адекватной форме поведения в условиях недоброжелательного окружения. Искренность может стать предпосылкой к утрате всего достигнутого. Правитель допускает к своему подлинному «Я» только самого себя. Перевоплощение, мимикрия в проявлении ложных чувств не проверяются моральной рефлексией, они принимают характер правил, диктуемых обстоятельствами, которые в данный момент наиболее эффективны в достижении цели. Коммуникация с теми, кому нет доверия, перестает приносить радость общения, оставаясь практической необходимостью, средством позиционирования. Минимизация личных контактов, предполагающих открытость отношений, трансформирует представление о сущности взаимоотношений, переводя их в ракурс формальности. Обособление становится формой внутреннего существования, совмещая в себе возможности самосохранения, покоя и самоуважения.

Одним из аспектов одиночества лидера становятся барьеры, которые разделяют мир, наполненный обычными житейскими проблемами, и мир власти. Насущные вопросы конкретного человека, сформированные потребностью выживания, не совпадают с грандиозностью задач истории, след в которой — мечта любого политического деятеля. Иллюзия социального единства с теми, во имя кого ведется политическая борьба, связана с глубоким разрывом элиты и масс. Расхождение в восприятии реальности стимулирует создание оценочной модели отношений, учитывающей отсутствие общих интересов жизнедеятельности, что определяет позицию, несовместимую с обыденным мировосприятием. Вызовы мировой истории превращают граждан в орудие осуществления планов лидера. Требования, выдвигаемые логикой его действий, вытесняют чувства жалости, сострадания, милосердия. Политическая целесообразность не включает эмоциональный компонент. Актуальность внешних и внутренних проблем диктует жесткий режим пропорциональности чувств и прагматических решений политического деятеля, что является причиной нарастающего отчуждения с большинством. Невозвратность действий, получивших отрицательную оценку в обществе, ускоряет динамику разрыва с общепринятыми моральными принципами и создает тупиковую ситуацию в социальных взаимоотношениях.

Диктатор еще более уязвим в личном пространстве, так как его власть опирается на страх и силу, которые он внушает окружающим. Соратники, понимая свое неустойчивое положение, готовы воспользоваться любой его оплошностью. Сознательный выбор тотального дистанцирования выступает обратной стороной репрессивности, которая использовалась в качестве властного утверждения. Тиран отдаст отчет в подлинности демонстрируемых чувств со стороны ближайшего окружения, поэтому грубость, неуважение, презрение ста-

новятся ответной мерой лстецам. Выстраивая барьеры между собой и остальными, он стремится создать условный буфер, поглощающий ложь, зависть, скрытую ненависть. Отдаление — тактический ход, позволяющий выстроить оборону от явных и мнимых интриг и быть готовым к нападению. Э. Фромм пишет о Гитлере: «С людьми он всегда был холоден и соблюдал дистанцию. Его абсолютному нарциссизму соответствовало полное отсутствие любви, нежности и сопереживания. На протяжении всей жизни рядом с ним не было никого, кого бы он мог бы назвать своим другом» [7, с. 351]. Даже в родственной среде диктатор не чувствует себя защищенным и избавленным от необходимости выбора между личным и политическим, что лишает его полноценных связей, построенных на симпатии и личных привязанностях. Существование во властной вертикали, соблюдение своего реноме в глазах окружающих и в общественном мнении предписывает категоричность в принимаемых решениях, в которых ближние становятся разменной монетой в сложившихся обстоятельствах. Ситуации Петра I и царевича Алексея, И. Сталина и Я. Джугашвили, Б. Муссолини и его зятя графа Галеаццо Чиано подтверждают положение о сложности разрешения конфликтов внутри родственного круга политического лидера. Они переходят в разряд потенциальных угроз, их частная жизнь, пристрастия, профессиональные увлечения могут использоваться как средство сведения счетов, интриг против лидера. Выбор, определяемый борьбой за удержание власти, может потребовать принесения в жертву личных привязанностей. «Фашисты всех рангов... требовали смертного приговора для Чиано и пятерых его соответчиков. Эдда Чиано (дочь Б. Муссолини) надеялась, что отец спасет жизнь ее мужу. Он обожал Эдду, но чувствовал, что должен исполнить свой долг, как Брут в Древнем Риме, который убил своего сына, предавшего город» [8, с. 422]. Обиды, неприязнь, отказ от примирения мотивируют правителя искать поддержку у самого себя. Лидер прогнозирует последствия ситуации, но он в такой же степени заложник сложившихся правил.

Власть привлекает, магнетизирует, несмотря на те отрицательные аспекты, которые приходится переживать тому, кто обладает правом принятия судьбоносных решений, определяющих векторы истории. Она создает видимость собственной значимости, превосходства над остальными. Человек привыкает к почестям, знакам внимания, подбострастию. Утрата статуса превращает правителя в обычного гражданина. В новом состоянии расположение окружающих зависит только от его личных качеств. Привычка повелевать, концентрировать на себе внимание остается, но лишённая властных полномочий она отталкивает и раздражает окружение. Разочарование распространяется как на прежних соратников (упреки в корысти, лицемерии,

лести), так и на новый круг коммуникации (недостаток привычного почитания), определяя круг поиска собственного приложения вне социального контекста. Одиночество — составляющая политической деятельности, оно пропорционально месту в вертикали власти. Отстраненность от участников политического процесса закономерна в силу конкуренции и соперничества. По мере реализации своих амбиций у лидера есть возможность пересмотреть правила политической игры, но подобное происходит крайне редко. Этот исторический феномен носит вневременной характер, что позволяет судить о постоянстве складывающихся ситуаций, касающихся отношений правителя и приближенных в процессе политической борьбы. Низкопоклонство наносит вред практическим результатам деятельности, так как велика ее зависимость от желания угодить в ущерб социальной пользе. Гражданское достоинство лиц, вовлеченных в политический процесс, должно формировать атмосферу доверия, сотрудничества вокруг фигуры лидера, уменьшая личностные потери от необходимости внутренней изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Макиавелли Н. *Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве*. Москва, Мысль, 1996, 639 с.
- [2] Де Голль Ш. *На острие шпаги*. Москва, Европа, 2006, 224 с.
- [3] Шпеер А. *Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхминистра военной промышленности*. Москва, Центрполиграф, 2005, 654 с.
- [4] Сенека Л.А. *Нравственные письма к Люцилию*. Кемерово, 1986, 464 с.
- [5] Аврелий М. *Наедине с собой. Размышление*. В кн.: *Римские стоики. Сенека. Эпиктет. Марк Аврелий*. Москва, Республика, 1995, 464 с.
- [6] Карлейль Т. *Теперь и прежде*. Москва, Республика, 1994, 415 с.
- [7] Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. Москва, Республика, 1994, 445 с.
- [8] Ридли Дж. *Муссолини*. Москва, АСТ, 1999, 446 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Миронов А.В. Власть и личностное одиночество в политической борьбе. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-595>

Миронов Андрей Владимирович — д-р филос. наук, профессор кафедры «Политология и международные отношения» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета. Область научных интересов: социальная философия и этика.
e-mail: andreyvmironov@gmail.com

Power and personal isolation in a political struggle

© A.V. Mironov

Sevastopol State University, Sevastopol, 299053, Russia

The paper deals with the problem of forming a sense of personal loneliness of the political elite in the context of moral choice between individual preferences and power obligations. We analyze the reasons for initiating the alienation of the leader from the environment which he belongs to. Within the research, we observe the transformation of moral assumptions in the retention of power, as well as the dependence of this phenomenon on the requirements of the political environment. The historical and comparative method used in the study allows us to identify the trends of self-isolation in the process of establishing social communication, depending on the forms of government. We emphasize the key factors in the process of confrontation between pragmatic solutions and personal worldview, and show the interrelation between the crisis challenges of history and the leader's understanding of his duties to society.

Keywords: *personal loneliness, political struggle, moral conflict, self-isolation, political environment, leadership, distrust*

REFERENCES

- [1] Machiavelli N. *The Prince and Discourses on the First Decade of Titus Livius*. 482 p. [In Russ.: Machiavelli N. Gosudar. Rassuzhdenie o pervoy dekadé Tita Liviya. O voennom iskusstve. Moscow, Mysl Publ., 1996, 639 p.].
- [2] De Gaulle. *Le fil de l'épée*. Imprimerie nationale, Paris, 1966 [In Russ.: De Gaulle. Na ostriye shpagi. Moscow, Evropa Publ., 2006, 224 p.].
- [3] Speer A. *Inside the Third Reich. Memories*. Simon & Schuster, 672 p. [In Russ.: Speer A. Tretiy reikh iznutri. Vospominaniya reykhnministra voennoy promyshlennosti. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005, 654 p.].
- [4] Seneca. *Moral letters to Lucilius* [In Russ.: Seneca. Nravstvennyye pisma k Liutsiliyu. Kemerovo, 1986, 464 p.].
- [5] Marcus Aurelius. *Alone with yourself. Reflections*. 1971 [In Russ.: Marcus Aurelius. Naedine s soboy. Razmyshlenie. Moscow, Respublika Publ., 1995, 460 p.].
- [6] Carlyle T. *Now and above*. Moscow, Respublika Publ., 1994, 415 p. (In Russ.).
- [7] Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Holt Paperbacks, 576 p. [In Russ.: Fromm E. Anatiomiya chelovecheskoy destruktivnosti. Moscow, Respublika Publ., 1994, 445 p.].
- [8] Ridley J. *Mussolini*. Cooper Square Press, 464 p. [In Russ.: Ridley J. Mussolini. Moscow, AST, 1999, 446 p.].

Mironov A.V., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Research interests: social philosophy and ethics.
e-mail: andreyvmironov@gmail.com